

Ираклий Андроников умер. Каким он был ученым — знают ученые и читатели его книг.

Каким он был рассказчиком — знают его друзья и все телезрители.

Каким он был в быту — знают близкие.

А каким он был в жизни? — Вот об этом и вспоминает сегодня архитектор Семен Александрович ШТЕЙРИН.

□

МОСКВА. Ленинградский вокзал. Теплый июньский вечер. 1981 год.

Разделенные железнодорожными путями, готовы к бегу две «Красные стрелы». Та, в которой я, уйдет на пять минут раньше. Стою в купе у приспущенного окна и, как обычно, «фильтрую» публику, ищу знакомые лица. Вот амбал, лицо его уже фиксировалось в очереди за билетами. Сутулясь, помахивая портфелем, проходит Армен Джигарханян. Лица мелькают чаще — скоро время отправления.

И вот приближается уже целая процессия. В центре ее — великолепный Ираклий Андроников. С обоих флангов его окружают почитатели. Их взгляды устремлены в центр «композиции», где размеща-

Вечерний Ленинград. - 1990. - 23 июня. Мезонин

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ И ПОЛКОВНИК

ется рот Андроникова — одно из чудес света. Оттуда непрерывным потоком льется что-то чрезвычайно интересное, поэтому края флангов забегают вперед, чтобы, не дай Бог, ничего не пропустить. Шествие останавливается и как по команде совершает разворот на девяносто градусов: рот Андроникова оказывается против моих глаз. Но ничего не слышно: между нами железнодорожный путь и противоположная платформа. Я завидую тем, кто сейчас слушает знаменитого рассказчика, я молю, чтобы что-нибудь произошло. И оно происходит.

После радиозаклинания «гражданедоотправленияпоезда остаетсяпятиминутпросимпассажировзанятьсясвоиместаапровожаящиххвйтиизвагонов» на арену выбегает запыхавшийся мордастый полковник с двумя чудовищно огромными чемоданами.

Он что-то спрашивает у людей из андрониковской свиты, и они дружно показывают на наш экспресс. Полковник, не выпуская чемодана из левой руки, подносит ее к глазам — смотрит на часы и понимает, что вернуться к началу платформы и перейти в свой поезд ему уже не успеть. Он начинает бесцельно топтаться на мес-

те, устремив безнадежный взгляд на недоступную для него закрытую дверь моего вагона.

Тут, оценив обстановку, к краю ramпы выходит Андроников и, сложив рупором руки, своим чудесным, густым голосом повелевает: «Передайте проводнице — пусть срочно откроет дверь, товарищ полковник едет в Ленинград по неотложному государственному делу».

Я бегу к проводнице: «Срочно откройте дверь, человек опаздывает». «Не имеем права», — казенным голосом отвечает пожилая простоватая женщина. «Андроников

требует», — настаиваю я. «Какой Андроников?» — «Который по телевизору!» — «Где?» — «Да вон». Проводница выглядывает в окно, охает и, на бегу шаря в кармане ключ, подлетает к двери. Следом за ней с другими пассажирами бегу и я. Хлопает откинутая стальная площадка. Полковник вздрагивает, подбегает к краю платформы и останавливается в нерешительности.

«Прыгайте!», — командует Андроников, показывая рукой на рельсы.

Полковник, не выпуская из рук чемоданов, шлепается вниз. Наш поезд начинает медленно двигаться. Мы что-то кричим. Беодолага в два прыжка оказывается у открытых дверей и протягивает нам чемоданы. На ходу втаскиваем их счастливого хозяина. Поезд убыстряет бег. Театральный жестом великий импровизатор взмахивает вслед нам рукой и гремит: «Колоссально!».

Спектакль окончен. Я благодарю судьбу за то, что вняла моей просьбе, и отхожу от окна.

23/VI - 90

Андроников А. А.